

ВОИСТИНУ СЛЕПАЯ ЛЮБОВЬ.

ФИЛАТОВА

Филатова Филатова

Воистину слепая любовь

<https://litres.ru/74653053>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вверения отправляется из далёкой сибирской заимки в Москву вместе с бабушкой: девушка надеется вернуть зрение и начать новую жизнь. Но дорога оборачивается тяжёлым испытанием, и рядом с ней оказывается незнакомец Вениамин — человек, который помогает ей пережить утрату и вновь поверить в будущее. Это рассказ о доброте, любви и надежде, способных изменить судьбы людей.

Филатова

Воистину слепая любовь

Это было в июне 2000 года. Фирменный поезд №1 следовал из Владивостока в Москву, сменяя часовые пояса. Было уже десять часов вечера, и в одиннадцатом плацкартном вагоне пассажиры укладывались спать. Состав начал замедлять ход перед очередной остановкой на станции в маленьком сибирском городке. На таких полустанках поезд стоит от силы пять минут, поэтому среди пассажиров всегда царило легкое беспокойство и нервозность.

Из одиннадцатого вагона выходило четверо: демобилизованный моряк, мужчина средних лет и две женщины лет тридцати пяти с баулами — видно, так называемые челноки. Новых же пассажиров ожидали только трое: мужчина лет пятидесяти, бабушка и внучка лет восемнадцати.

Бабушка была невысокого роста, хрупкого телосложения, одета вся в черное — так одеваются старoverы или люди, живущие в глуши, оторванные от цивилизации и не принимающие всё новое. В одной руке она держала небольшой саквояж, а другой вела внучку. Девушке на вид было лет восемнадцать. Одета она была не по моде: скромное платьице в мелкий цветочек и кофточка. Можно сказать, одевалась почти так же, как бабушка, только на голове был надет большой цветастый платок и черные очки. В одной руке девуш-

ка держала корзинку, покрытую платком; скорее всего, там были продукты, так как из-под ткани выглядывала бутылка с молоком. Бабуля нервничала, боялась опоздать: то отпускала руку внучки, то снова судорожно хватала её, будто боясь потерять, хотя девушка стояла на месте и не двигалась.

Проводница тридцати пяти лет Люся, проверив билеты, вежливо сказала:

— Товарищи пассажиры, проходите в вагон.

— Доченька, покажи нам, куда пройти-то, какие места?

— отозвалась бабуля.

— Бабушка, пройдите в вагон, я вам потом помогу устроиться, — ответила Люся.

Мужчина по-благородному помог забраться по ступенькам сначала бабушке, затем внучке, а сам стал проходить вглубь вагона, поглядывая на билет. Бабушка с внучкой остановились возле титана с водой и стали ждать проводницу. Поезд тронулся, начал набирать ход.

Люся понимала, что старушке с внучкой нужны нижние полки, но свободными были только верхние. Она пошла по вагону, зная, что с самого Владивостока едут отец с сыном, которые заняли нижние места. Люся вежливо попросила мужчину поменяться полками. Мужчина, посмотрев на девушку, буркнул:

— Она же взрослая, такая же, как мой сын. Может и на верхней полке расположиться.

Но Люся тихо, сквозь зубы бросила ему:

— Мужчина, как вам не стыдно? Разве вы не видите, девушка слепая.

Он молча перекинул матрасы на верхние полки. Молодой человек шустро забрался наверх и даже воскликнул:

— А здесь даже лучше, никто не мешает!

Люся проводила пассажиров на их места.

— Ой, доченька, спасибо тебе, я не останусь в долгу, заплачу, — засуетилась бабушка.

— Бабушка, как вам не стыдно! Ведь это моя работа, и мне за неё платят.

— Не обижайся, доча, я хотела как лучше. Спасибо большое.

Люся принесла им постельное белье. Бабушка по-шустрому расправила постель и стала помогать внучке.

— Пристала, внуча, но ничего, — успокаивала она то ли себя, то ли девушку. — Ехать нам ещё долго, так что выспишься ещё.

Утром, когда внучка ещё крепко спала, бабушка рассказывала своим попутчикам, зачем и для чего они едут в столицу. Каждый день пути она делилась историями: то о себе, то о внучке, то о жизни. На заимке, где они жили, кроме их дома было еще четырнадцать дворов. Жили там в основном старики да дети, которые не смогли покинуть своих родных и привычный уклад. В каждом дворе — одна, а то и две коровы, птица и другая живность. Как без хозяйства?

— У нас и то со внучкой корова Красотка есть, и пятна-

дцать несушек. На время, пока в разъездах, соседке Клаве отдали, она у нас почтальоншей работает, — рассказывала бабушка, уточняя, что у Клавы много ртов, то есть детей.

Бабушка с любовью описывала, как у них хорошо. Заимка наша по весне вся в черемухе стоит. Белая, пребелая словно невеста в подвенечном платье. Пчелы гудят, птицы поют, а запах такой что голова кружиться. Озеро летом теплое, как парное молоко, детвора из него не вылезает. Летом заимка оживает: приезжают внуки с детьми, отдыхать, помогать старикам с огородом и покосами. Осенью ягоды, грибы. Петухи по утрам поют, коровы мычат, дед Василий гонит их на пастбище, а туман над рекой стелиться, будто облако на него опустилось. Вот какая у нас красота, жила бы там и жила, там бы и умерла если бы не слепота внучкина. Иногда она замолкала и Вверения чувствовала, как дрожит ее голос. Бабушка ты плачешь? — Нет внученька тебе показалась — ветер в окно дует. Но Вверения знала — что ветра в вагоне не бывает. Это у бабушки душа болит о своей заимки, которой, может уже не увидит никогда.

— А тут, прошлой весной, ещё и геологи недалеко от нас стали бурить, газ нашли, — продолжала она. — Рабочие в вагончиках жили, а начальник их, инженер Винников Виктор Георгиевич, угол у нас снимал. Сам он москвич, только с молодости по всей стране ездит: то газ, то нефть ищет. «Такая, — говорит, — у меня стезя».

Узнав, что внучка её не от рождения слепа, а стала такой

после несчастного случая в пять лет, попутчики притихли. Мать девушки, дочь бабушки, при пожаре выкинула её из горящего дома, а сама не успела. До четвертого класса у внучки со зрением всё было нормально, а потом оно стало резко падать и пропало совсем. Врачи сказали — последствие той трагедии, ожога и стресса.

— Вот Виктор Георгиевич нам и посоветовал ехать в Москву. Рассказал, что там есть доктор, который делает операции на глаза. Книг, разных журналов у него с собой всегда больше, чем вещей. Вот один журнал нам дал, а на обложке — портрет того врача.

Бабушка вытащила из саквояжа завернутую в тряпочку икону Николая Чудотворца. С обратной её стороны была аккуратно приклеена вырезанная из журнала фотография врача-офтальмолога к которому они ехали чтобы сделать операцию Вверении.

— А я его знаю — воскликнул один из попутчиков. — Он моей маме делал операцию на глаза у него и правда руки от Бога. Ей сейчас очки не нужны вовсе. Бабушка, а вы зачем это фотографию на икону наклеили?

— Ну вы же сами сказали что у него руки от Бога. Значит он тоже святой коль помогает людям увидеть свет Божий, — гордо ответила она. — Я верю, что он поможет моей внучке прозреть. А там и умереть можно, — мечтательно добавила бабушка, погладив фотографию ладонью.

Внучку звали Вверения. Была она на редкость красива,

стройна, под метр семьдесят ростом. Всё было при ней: длинная коса по пояс переходила в завиток. Даже черные очки не могли скрыть её красоту.

Молодой человек, который ехал с отцом в Москву поступать в университет, тоже обратил на девушку внимание. Он решил на следующий день обязательно познакомиться и стал уделять ей знаки внимания, ухаживать. Отец это не одобрял: всем видом показывал и намекал, что они едут учиться, а знакомства только отвлекут от настроя.

— Батя, не напрягай, — отмахивался Антон.

Они с девушкой были одного возраста, и взгляды на жизнь у них совпадали. Каждый день он брал её за руку, и они уходили в тамбур. Там он рассказывал о себе, о своем городе, о том, какой он красивый. Они вместе выходили на станциях, где он читал названия и описывал город, в котором остановился поезд. Одним словом, он был её глазами. Антон рассказал, что будет поступать в университет международных отношений, что учился очень хорошо и закончил школу с золотой медалью.

Вверения отвечала, что учиться ей пришлось только до четвертого класса. Но бабушка очень много ей читала, и она знает множество стихов. Бабушка всегда говорила, что её памяти позавидует любой.

— И когда я прозрю, я обязательно продолжу учёбу, чтобы поступить в институт. Хочу быть врачом, — сказала она. Антон поддержал её:

— Я тебе помогу, у меня по всем предметам были хорошие оценки. Мы всё преодолеем. Ты же после операции поедешь к себе домой, а я приеду к тебе.

Она назвала адрес, где они жили. Он записал его на бумажке и вложил в задний карман брюк.

— А как я тебя узнаю? — спросила Вверения. — Ведь я не знаю, какой ты. Я знаю только твои руки. Она провела ладонями по его лицу, словно запоминая черты.

Антон взял её руки и поцеловал.

— Я буду тебе писать и сообщу, когда приеду.

— А как я узнаю, что это ты?

— Представь, — улыбнулся он. — Я буду одет в длинный плащ, на шее белое кашне, в шляпе и в туфлях из крокодиловой кожи, как у денди.

— А кто такой денди? — спросила Вверения.

— А это мой кумир, киноактёр.

Представив всё это, они весело рассмеялись.

— А в Москве вы хоть раз были? — спросил кто-то из попутчиков у бабушки.

— А как же, проездом, — начала рассказ бабушка. — Мои родители из Брянской губернии, держали лавку. Семья была большая, зажиточные. Я мала была, когда нас, как говорят, раскулачили. Вот и отправили нас в Сибирь. Так мы и остались там. Люди ко всему привыкают. Теперь и Сибирь — наша вторая родина. Там наши корни отросли, — сказала она, показывая на внучку которая сидела у окна. За ок-

ном поезда плыла бесконечная тайга. Могучие кедры и сосны стояли словно часовые охраняющие сон земли. Иногда между деревьями мелькали поля и тогда казалось , что сама природа, расстелила перед пассажирами огромные холсты , зеленого покрывала. Солнце висело над горизонтом ,будто не решалось зайти, поле от солнца было в красочном покрывале. Вверения сидела у окна прижавшись лбом к холодному стеклу. Она не видела что там за стеклом но чувствовала что мир за стеклом холодный, огромный, но прекрасный. Она слушала как стучат колеса отчитывая версты до Москвы. Скоро бабушка ,скоро,— шептала она про себя, а сердце стучало в унисон стука колес о рельсы.

Вот так, за разговорами, пролетели дни. Когда поезд подъезжал к Москве, попутчики, кто знал столицу, подсказывали, как найти больницу, на какой автобус сесть. А в первую очередь советовали обратиться на вокзале в справочное бюро, чтобы там на листочке расписали маршрут.

По радио объявили о прибытии в Москву. Пассажиры оживились, стали собирать вещи, сдавать белье Люсе.

— Антон! — окликнул сына отец. — Ты думаешь, собираться?

Антон попрощался с Вверенией, пожелал ей удачи:

— Я буду тебе писать. Когда приедешь, там тебя будут ждать уже мои письма.

Он достал листок из кармана, прочитал адрес ещё раз, убедился, что написал правильно, и снова положил в задний

карман брюк. Отец всё видел, и лицо его было недовольно.

— Ну всё, давай собирайся. Детство у тебя закончилось, начинается взрослая жизнь.

Бабушка тоже стала собираться. Вверения сидела тихо, перебирая косу: то заплетая, то расплетая её. Видно было, что она волнуется. Это волнение передалось и бабушке, но, подбадривая внучку, она вслух повторяла:

— Всё будет хорошо, вот только бы добраться до той больницы.

Поезд замедлил ход, подъезжая к перрону. На платформе стояли встречающие, искали глазами родных, махали руками, цветами. Когда состав остановился, Люся открыла двери, выдвинула ступени. Пассажиры один за другим выходили, говоря ей спасибо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.